

Перепостили — следовательно, существую ЧТО ТАКОЕ ТЕКСТ В ФЕЙСБУКЕ

Юлия Меламед

А ЧТО сегодня чаще всего жалуются пишущие люди? Что формат заел. Что отказ с формулировкой «не формат» замучил. Где были форматы, когда мы начинали в 90-х? Мы были, а форматов не было! Казалось, что мы сами выбираем подачу, тот язык, на котором разговариваем с читателем. И вот пришли 2000-е, насел Формат, схлопнув вокруг нас железный занавес. До чего же пошли тупые главные редакторы и продюсеры! — подумали мы. — Вдруг разом захотели однообразия! И тогда Запад нам помог. И оттуда пришел в нашу жизнь Facebook (ФБ). И пишущие возрадовались. Наконец-то свобода. И занырнули... Хотя здесь можно было постить, что вздумается. Было интересно попробовать свои силы на новой территории: в жанре краткого (неоплачиваемого) текста. Где ты, краткость, сестра Антона Палыча?!

И вот, к нашему огромному удивлению, безо всяких главных редакторов, злодеев-продюсеров, без угроз и надругательств, прямо на глазах сам собой в ФБ сложился очень жесткий Формат. Оказалось, что это не чья-то злая воля или злой непрофессионализм. Сложившийся формат четко регулировался лайками и блокированием. А если высказывание не залайкали — его нет. А если тебя не цитируют — тебя нет. «Да, свобода остается призраком на этом континенте скорби», — написал бы в своем посте пользователь Веничка Ерофеев.

В чем же приметы этого формата? Что нужно написать, чтобы тебя пролайкали, а не проигнорировали? Каков удачный текст в ФБ? Вот, например, блистательный автор, очень точно попавший в формат фейсбука, режиссер Марина Разбежкина:

Встретила местного сантехника Федора Петровича в совершенно духоподъемном состоянии. На приветствия жильцов он не реагировал, давая понять, что впереди у него куда более светлая цель, нежели наши нужники. Федор Петрович так пристально вглядывался в даль, что хотелось вместе с ним, наконец-то, рассмотреть, что там, в конце тоннеля. Подозреваю, что там его ждет жена Маша из нашего же жэка с обычным текстом: «Я тебе, б...ть, велела деньги в карман, а не водку в рот». Дай бог ему куда-нибудь дойти.

200 лайков.

Больше двух лет сижу я в фейсбуке и пару недель утешаю себя тем, что якобы его изучаю. Я уже знаю, какого рода, длинны и окраски удочку забросить, чтобы ловить на нее в фейсбуке «лайки». Это должна быть подпись под фотографией. Сам пост должен состоять из четырех-шести предложений, быть в меру циничным, несерьезным и обязательно содержать слово «б...ть» и производные.

ФБ не любит длинные тексты. ФБ любит такие тексты, чтобы не надо было жать на кнопочку «еще». Он панически боится глубоких постов. Ему от них как-то не по себе. Злые — пожалуйста, но они должны быть предсказуемы, не содержать никакой новой информации и просто подавать опознавательный знак злящимся в унисон с тобой. Ненависть сплачивает людей гораздо эффективнее, чем симпатия.

Из моих многочисленных постов явным лидером по лайкам стал вот этот без претензий текст:

Думаю, что надо чаще смотреть Юрия Лотмана «Беседы о русской культуре» — а не прослушку Немцова о друзьях-оппозиционерах. Тогда и депрессии не будет!

100 лайков.

Если говорить честно, что уж в нем такого? Ноль информации. Я лишь подаю сигнал тем, кого раздражает наша оппозиция. Сигнал: давайте позлимся вместе. Но позлимся легитимно — под покровом любви к прекрасному Лотману. Первая часть поста (без второй) была бы обречена на полный провал.

Наш старший брат — англоязычный ФБ — уже выяснил, кто лидирует в списке общественной ненависти. В настоящее время на первом месте «у них» кандидат в президенты США Рик Санторум. Второе место занимает отделение баптистской церкви Westboro. Сразу после идут гомофобия и Internet Explorer.

В русскоязычном ФБ (на мой взгляд) лидером по ненависти на данный момент является РПЦ. Ее любят ненавидеть. Процентом 60 постов и фотожаб на теле фейсбука посвящены ее осмея-

нию. Именно ФБ сейчас предлагает окончательное решение поповского вопроса. Я этой ненависти вовсе не разделяю — но попробуй, скажи... А почему собственно «не скажи»? Потому что если вдруг моя эмоция сложнее ненависти, если в ней и другие краски, и даже какие-то полумысли — все это уже не уместится в фейсбучный формат. На данный момент наш ф/б получается сильно ч/б.

«Что ж это такое! Как будто всем лоботомию сделали! Ни о чем говорить нельзя. И все темы под запретом!» — жалуется мне френд, любитель матерного парадоксального словца. Действительно, забаненных и тем, и людей множество. Начнешь говорить в приличном обществе о религии или о границах толерантности... начнешь в обществе — закончишь в одиночестве. Откуда это в ФБ? В точности как говорил Фигаро, после того, как его вышвырнули отовсюду, даже из тюрьмы:

Я только не имею права касаться в моих статьях власти, религии, политики, нравственности, должностных лиц, благонадежных корпораций, Оперного театра, равно как и других театров, а также всех лиц, имеющих к чему-либо какое-либо отношение, — обо всем же остальном я могу писать совершенно свободно.

Но на то и цензура в Испании XVIII века... А у нас-то что?! Для нашей интеллектуальной, эстетической, гражданской активности фейсбук пришелся в самую пору. И подозреваю, что именно из-за него общество разбилось на лагеря. Нынешняя лоботомия и поляризованность — на мой взгляд, результат нашего существования в фейсбуке, на территории, не принимающей сложного высказывания.

Изначально ФБ задумывался как простой обмен фоток. Но у нас, как известно, что делать ни начнешь — получается автомат Калашникова. Так что русскоязычный ФБ моментально политизировался и военизировался. К чему привело наличие «лайка» и отсутствие «не-лайка»? К тотальному позитиву? Нет. К однозначности! К тому, что лайк стал не вполне лайком. А пост стал таким несложным, поверхностным, чтобы под ним без колебаний ставилось «мне нравится».

Раз ни одна сложная мысль больше не могла быть высказана — все поляризовалось. Теперь ты просто обязан вступить в какой-либо лагерь. Либо ты ярый запутинец, либо антипутинец, либо антицерковник, либо зацерковник, либо запусь, либо незапусь («Пуси Райот»), либо за фирму Бреге, либо за патриарха Кирилла, либо сиди молчи! Фейсбук ли один виноват в этом? Или фейсбук с его единственной кнопкой на все эмоции жизни словно на нас был шит?

Окончательно обеднили наш фейсбучный ландшафт смайлы, превратив в ровное поле, на котором вместо растительности торчат кривые скобки))))))

Вот мой пост от января 2011 года:

Say NO to СМАЙЛ! Позвольте себе роскошь быть ироничным с грозным восклицательным знаком или с аскетичной точкой. А не с убогой скобкой))))), организующей подлый ряд из себе подобных. ДРУГ! Кончай обсмайливать все кругом. Будь — за расцвет (ренессанс) смысла в напечатанном тексте! Будь — против профанации текста! Снова научись передавать нюансы и интонации словами! А не скобками.

о лайков. о комментариях.

Надо отдать должное смайлу — он меня победил. Я сдаюсь и сама теперь ставлю))))). ФБ не заметил моих призывов, а смайлолюбивцев не набралось и пары человек. Смайл, который изначально был призван компенсировать отсутствие эмоций в ФБ-коммуникации, привел к тому, что необходимость подбирать нужное слово отпала. Без тренировки мы быстро научились находить точные слова, выражающие нашу мысль. Такие тексты (чей эмоциональный фон совершенно невозможно опознать) потребовали еще большего числа смайлов, сигнализирующих хотя бы об общем доброжелательном фоне высказывания. Речь стала еще проще. ФБ'шная версия известной хохмы выглядела бы так: «Пива нет))))))» или: «Пива нет(((((((— и в таком виде была бы кристально ясна, предсказуема, никого бы не ввела в заблуждение и не задела.

Еще один блистательный автор фейсбука художник Алексей Меринов пишет:

И о наболевшем... Уже не в первый раз ко мне в друзья просятся удивительные люди: у одного в разделе спорт, любимые клубы: «Реал Мадрид» и «Барселона». У второго в разделе увлечения: «Телеканал Культура» и «Стас Михайлов». Но это же невозможно!!! Не-воз-мож-но! Как могут нравиться одновременно страницы Медведева и Ходорковского?

Да вы что такое говорите, Алексей?! Да лайка на вас нет! Вроде как «медведев» и «ходорковский» — два бренда, не сосуществующих в одном сердце. А неправда! Именно в фейсбуке-то и случаются чудеса. Здесь все возможно. Ведь «лайк» — это вовсе не то, что на самом деле человеку интересно. «Лайк» — это то,azole чего поставлен «лайк».

Перед входом в штаб-квартиру Фейсбука в Швеции стоит памятник огромному лайку. Памятник тому, чего нет, тому, что

у слова «нравится» теперь отсутствует смысл. Ведь памятники редко ставят живым. Вот поручику Киже не догадались в свое время воздвигнуть обелиск. А лайку — поставили.

- Юль, а чё ты меня вчера не лайкнула?
- А потому что ты меня никогда не лайкаешь!
- А ты что, следишь?
- А как же!

Так начинается погоня за лайками. Контент не важен. Важен индекс цитируемости, лайкостность, рейтинг. Если нет на тебе лайка — тебя вовсе не существует. Жизнь переместилась в медийную сферу, и искать доказательства существования следует теперь именно здесь.

Что такое известность? Когда-то она выражала значимость персоны. Теперь знаменитость стала автономной, перестала соотноситься с каким-либо содержанием. Оторвалась, загуляла — как нос майора Ковалева, как тень шварцевского Христиана-Теодора.

В 2005 году (я работала на ТВ) нам стали возвращать документальные фильмы с требованием вставить туда интервью со знаменитостями. Теперь — о чем бы ни был фильм: о пластической хирургии или о путешествии на Марс — лайма вайкуле и ксения собчак должны были появиться там во что бы то ни стало.

- А если она ни разу не летала на Марс?
- Пусть скажет в кадре, что не летала.

Нам так и не предложили записать какую-нибудь другую лайму вайкуле — ту, которая бы на Марсе все же побывала. Нет. Всегда отвечали: пусть в кадре скажет, что ей нечего сказать. На каждом канале Список звезд был свой. И он постоянно обновлялся. Надо было ежедневно справляться о том, знаменитость ли еще та или иная фигура, или ее уже разжаловали. Ложилась спать селебрити звездой — а просыпалась в страхе, что чья-то рука за ночь уже вычеркнула ее из Списка. Селебрити в ужасе ощупывала свое медийное лицо. Достаточно ли оно медийное? Или медийное-медийное... но сегодня с утра как будто не очень. Может быть, к вечеру разойдется?

Культ знаменитостей, как и культ лайковости обозначили новую эпоху, в которую и лайк, и известность стали ценны сами по себе.

ДОРОГОЙ МАРК ЦУКЕРБЕРГ, ПОДАРИ МНЕ,
ПОЖАЛУЙСТА, КНОПОЧКУ «АНАФЕМА»!

Юрий Михайлович Лотман, помянутый выше, приманивший наибольшее число лайков за всю мою ФБ-историю, рассматривал текст с точки зрения его предсказуемости и информативности. Лотман выделял двух чемпионов среди текстов с нулевой информативностью и полной предсказуемостью: это передовица «Правды» и разговор двух женщин. Лотман, к сожалению, умер в 1993 году и о фейсбуке ничего не знал. Нет сомнения: он захотел бы исследовать тексты социальных сетей. Стал ли бы ФБ-текст в один ряд с передовицей «Правды»?

По Лотману, существуют тексты, в которых предсказуемость элементов возрастает (по мере чтения) так сильно, что в конце предложения значительная часть слов делается избыточной. Такой текст совершенно неинформативен. Вот, например, первый попавшийся текст из фейсбука: «Друзья! Количество эндорфина в крови резко увеличивается, когда мы пишем тексты дорогим и любимым нам людям». Раз «дорогим людям», то вероятность возникновения «и любимым» крайне велика. Это слово очень предсказуемое, неинформативное, избыточное. В целом же этот ФБ-текст с крайне низкой (нулевой?) информативностью.

Если сказано: «жизненно» — за ним в ФБ обязательно будет стоять слово «и актуально». Если сказано «жулики» следом за ними обязательно пойдут «и воры» (кстати, эти слова — почти полные синонимы. Замечательно, что они составили в наше время самый популярный, хлесткий и устойчивый лозунг). Следующий пост: «Жизнь — это постоянное развитие, и мне надо идти *далее и вперед*. И как было сказано *выше* — я открыта предложениям, *проектам и сотрудничеству*». Выделенные курсивом слова стопроцентно предсказуемы.

Но есть, по Лотману, и другие тексты: в них степень «неожиданности» в следовании элементов даже возрастает к концу. Таковы тексты художественные. Кстати, именно по этому критерию очень легко отличить самостоятельный художественный текст и текст подражательный, эпигонский. Эпигон всегда предсказуем. Талант всегда неожидан.

Казалось бы, в ФБ таких текстов множество. Таков, например, пост: «Уважаемая директор аптеки! Почему всякий раз, как ты уезжаешь в Китай, я меняю место работы?» Вторая часть высказывания — та, что после слова «Китай» — совершенно непредсказуема. Это не парадокс, не апория, не любой другой нарушитель логики. Ведь эти нарушители все еще находятся в поле значимости содержания. А наш ФБ-пост — текст формата бессмыслицы. И таких текстов в ФБ немало. Вот, например, еще один:

Сочинение Боброва Коли, 3 «Б».

«Как я провел лето».

Сел я на коня и поскакал. Тыг-дык, тыг-дык... Потом слез.

Хотя пост представляет собой фотографию детской разлинованной тетрадки, исписанной кривыми неуверенными детскими буквами — ручаюсь, что это стопроцентный фейк, и никакого коли-боброва-на-коне в помине нет. Тем не менее текст свидетельствует о любви народной к нелепице ради нелепицы. Надо отдать должное ФБ — любовь эта неразделенная: непредсказуемые вещи здесь имеют крайне низкую лайкоемкость и почти всегда игнорируются. Много лайков нелепицы никогда не соберут, хотя и усердно продолжают поститься. Остается предположить, что где-то такой текст востребован — но не в фейсбуке. В «Структуре художественного текста» Лотман пишет:

Для того чтобы общая структура текста сохраняла информативность, она должна постоянно выводиться из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам. Однако одновременно работает и противоположная тенденция: только элементы, поставленные в определенные предсказываемые последовательности, могут выполнять роль коммуникативных систем. Таким образом, в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизованную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой — разрушить эту автоматизацию и сделать самое структуру носителем информации.

Значит, коммуникация требует автоматизма и предсказуемости. Она требует закрытых глаз. Коммуникация срывается при высокой информативности и неожиданности.

Здесь интересно вспомнить, что писал о коммуникации известный немецкий социолог, философ и теоретик общества Никлас Луман. По его мысли, у коммуникации вовсе нет ни функции передачи информации, ни функции взаимодействия между субъектами, как можно было бы подумать. Не люди осуществляют коммуникацию, но коммуникация осуществляет сама себя. Или, как говорил Луман: «Коммуницировать может только коммуникация». Она бессубъектна. Она бесцельна. Она нерациональна. А что-то передает В, В что-то передает С. Система пульсирует. Система существует.

Коммуникация не имеет цели или же имманентной ей энтелихи. Она происходит или не происходит — и это все, что можно о ней сказать. <...> внутри коммуникативной системы *могут* образовываться целеориентированные эпизоды. Так же как и со-

знание, которое может эпизодически устанавливать цели, но без того, чтобы такая установка целей была бы целью системы. Любое другое понимание должно было бы обосновать тот факт, что по достижении своей цели система продолжит существовать. Или же нужно было бы повторить далеко не новую мысль — смерть оказывается смыслом жизни (курсив мой. — Ю. М.).

Коммуникация — это система, которая обладает свойствами самопорождения и саморазвития (аутопойезис). У нее одна роль: поддерживать саму себя, и субъекты (мы, то есть) не должны ей в этом мешать. Они (мы, то есть) должны поддерживать коммуникацию без помех, задержек, интерпретаций. Коммуникация — это бесконечная передача из конца в конец кошечек и мимических, приложений-призраков и сообщений: «Узнай, как пользователь Х.У. ответил на вопрос: „Кем ты будешь в следующей жизни“». Суть — в постоянном взаимодействии, где не важен ни субъект, ни контент. Я сама не всегда понимаю, зачем жму на «мне нравится» и «перепостить» под фотографиями смешных животных. Это происходит почти против моей воли или почти без моего участия.

Луман разоблачает тезис о том, что коммуникация якобы нацелена на достижение консенсуса, поиск понимания. «Коммуницируют также и для того, чтобы обозначить разногласие, желая поспорить, и нет никакой настоящей необходимости считать стремление к консенсусу более рациональным, нежели стремление к разногласию».

Так что, друзья, чтоб вы знали: это не мы — это нас.

Луман умер в 1998 году, за 6 лет до возникновения фейсбука. Всю жизнь он писал о коммуницировании и массмедиа. Его оценки собственно социальных сетей не существует. Но сам взгляд на ФБ с точки зрения теории систем очень полезен. Системный, а не гуманитарный ракурс в данном случае плодотворнее. Я не отрицаю, что и гуманитарный взгляд на ФБ возможен, но нам он почти ничего не дает.

Так что радуемся (пока), что в ФБ есть еще искрометные тексты, пусть не глубокие — но зато яркие и смешные. Пруст говорил, что из рекламы мыла можно извлечь не меньше, чем из «Мыслей» Блеза Паскаля. Скажем так: из фейсбука можно извлечь не меньше, чем из рекламы мыла. И нам есть, куда двигаться.

Твиттер — вот перспектива вырождения. Или новый синоним вырождения. Это уж точно не ЖЖ, задумывавшийся как дневник, допускающий даже и дискуссию — интерес к которому, как все заметили, угас. Аудитория, развернувшись спиной к ЖЖ, раскорячившись в фейсбуке, явно поглядывает в сторону

твиттера. Как говорил Райкин: «И я бежал к другой. Та — ничего не соображала». Текст в твиттере, придуманный для мобильного, ограниченный 140 знаками, напрочь лишен эстетической составляющей, впрочем, и содержательной тоже. Здесь никому не придет в голову написать покрасивее. Здесь нет игры. Зато тебя прочтут и ретвитят большее число людей. А раз тебя ретвитят — значит, ты существуешь.

P.S. Написав статью, рискнула-таки проверить, насколько я, и правда, чувствую текст в фейсбуке. Решение пришло быстро. Я написала два слова. «Сделала котлеты!». Всё. Такого облайканного и комментируемого поста мне еще не доводилось создавать. Это была вершина моего творчества. Подлинный триумф из серии: «Боже! Как я блистал в роли второго могильщика!» Я предчувствовала, что отклик будет, но не ожидала, что такой бурный. Дискуссия вокруг этого поста не утихает до сих пор. Лотман с его беседами и Немцов с его матерщиной, составившие когда-то один полярный/популярный пост — остались далеко позади.